

СОЦИАЛЬНО-ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

В. В. ТРОФИМОВ*

Трофимов Василий Владиславович,
доктор юридических наук,
доцент, профессор Тамбовского
государственного университета
им. Г. Р. Державина

В статье рассматриваются общетеоретические и методологические проблемы исследования социально-интерактивных закономерностей права. Проводится сопоставление коммуникативной правовой теории, диалогической концепции права, нарративной юриспруденции, дискурсивной теории права и социально-интерактивного анализа права. Обосновываются возможности социально-интерактивного подхода к исследованию аспектов формирования и действия права. Раскрываются ключевые стороны социального взаимодействия в связи с его влиянием на правообразование. Внимание уделяется таким свойствам социально-интерактивных систем, как «взаимность» и «эквивалентность». Развивается идея, согласно которой взаимный учет действий и эквивалентный обмен как универсальные для межличностных отношений переменные величины опосредуют внутреннюю связь, создают необходимые для социально-правового развития организационные предпосылки.

Выделяется роль личности в праве как активного участника правового сотворчества и правосозидания. Моделируется процесс возникновения правовой нормативности. Характеризуются закономерные связи сотрудничества и конфликта как форм социального взаимодействия и права. Устанавливается, что отношения сотрудничества обуславливают тип правового регулирования, строящийся на использовании позитивных (стимулирующих) правовых средств, а отношения конфликта приводят к необходимости применения в праве негативных (ограничивающих) правовых средств. Определяется, что амбивалентность (двойственность) социальной детерминанты правового развития (воспроизводства права) непосредственно отражается на двойственности (амбивалентности) системы правового регулирования, правовых методов. Формулируется вывод о том, что коммуникативная (социально-интерактивная) концепция права выступает в качестве перспективного вектора развития юридического знания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальные закономерности права, социальное взаимодействие, интеракция, коммуникативная теория права, взаимность, эквивалентность, социальные действия, правовая форма, сотрудничество, конфликт, право.

* Trofimov Vasilij Vladislavovich — doctor of legal sciences, associate professor, professor of the Tambov State University named after G. R. Derzhavin.

E-mail: iptgutv@mail.ru

© Трофимов В. В., 2014

TROFIMOV V. V. SOCIAL AND INTERACTIVE REGULARITIES OF LAW: PROBLEMS OF THEORY AND METHODOLOGY

The article deals with general theoretic and methodological problems of studying social and interactive regularities of law. The author compares the communicative theory of law, dialogue concept of law, narrative jurisprudence, discursive theory of law and social and interactive analysis of law. He substantiates the possibilities of the social and interactive approach to studying the aspects of formation and functioning of law. He reveals the key aspects of social interaction in connection with its influence of law formation. Attention is given to such properties of social and interactive systems, as "mutuality" and "equivalence". The author develops the idea, according to which mutual consideration of actions and equivalent exchange, as universal variables for interpersonal relations, mediate internal connection and create organizational premises, necessary for social and legal development. The article emphasizes the role of a personality in law as an active participant of legal co-creation and law making. The author simulates the process of emergence of legal normativity and characterizes the regular connections between cooperation and conflict as forms of social interaction and law. He establishes that the relations of cooperation determine the type of legal regulation based on using positive (stimulating) legal means, while the conflict relations lead to the necessity to apply negative (restricting) legal means. The article states that ambivalence (duality) of the social determinant of legal development (reproduction of law) is reflected directly on duality (ambivalence) of the system of legal regulation, legal methods. The author comes to the conclusion that the communicative (social and interactive) concept of law is a perspective vector of development of legal knowledge.

KEYWORDS: social regularities of law, social interaction, interaction, communicative theory of law, mutuality, equivalence, social actions, legal form, cooperation, conflict, law.

Проблема исследования социальных закономерностей права находится преимущественно в рамках предметного поля юридической социологии. Возникновение данного направления правовых исследований приходится на рубеж XIX–XX вв., когда наметилось понимание социальной природы права (С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов, Б. А. Кистяковский, О. Эрлих, Э. Дюркгейм и др.). Особое внимание уже в это время стало сосредотачиваться на феномене *социального взаимодействия* как предельно-конечном уровне общественных процессов, динамика которых детерминирует складывание разнообразных социальных форм, в первую очередь правовых форм, упорядочивающих и стабилизирующих социальные процессы (П. А. Сорокин,¹ Г. Зиммель² и др.).

В отечественной юриспруденции с 1930-х гг. социологические исследования были практически свернуты, поэтому как в целом социологический взгляд на право, так и непосредственно традиции рассмотрения в правовой науке проблемы происхождения и развития права с позиции деятельностно-коммуникативных (социально-интерактивных)³ аспектов

¹ «Если мы охватим умственным взором весь человеческий мир, — писал П. А. Сорокин, — то он покажется нам похожим на огромное человеческое море. Это море составляется из отдельных волн. Такими отдельными волнами являются отдельные процессы взаимодействия и образуемые ими социальные группы» (Сорокин П. А. *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М., 1994. С. 26*).

² «Общество есть только собирательное название для взаимодействий» (Зиммель Г. *Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. Киев; Харьков, 1898. С. 28*).

³ От англ. *interaction* — взаимодействие.

человеческой жизни не столь заметны. Но даже возобновление социологических исследований в праве (в 1950–60-е гг.) не изменило преимущественно критический взгляд на так называемые буржуазные социологические концепции права. Подходы, выражающие принципы, связанные с социально-интерактивным уровнем, продолжали отвергаться, прежде всего по причине несоответствия идейно-политическим, социально-философским, общим мировоззренческим установкам в научном знании (речь идет, главным образом, о примате общесоциологической теории марксизма — историческом материализме с его акцентом на категории «общественные отношения», хотя, если обращаться к трудам К. Маркса, то в них нередко можно увидеть достаточно четкое указание на процессы «взаимодействия» в качестве начального (формообразующего) уровня социальных явлений).⁴

Лишь относительно недавно (в течение двух-трех последних десятилетий) появились работы отечественных правоведов, в которых стала затрагиваться проблема деятельностно-коммуникативных (социально-интерактивных) основ права (В. Н. Кудрявцев, Г. В. Мальцев, А. В. Поляков, В. Г. Графский, Л. С. Мамут, И. Л. Честнов и др.). Искомые аспекты социального бытия права получили раскрытие в соответствующей научной терминологии: «социально-правовое взаимодействие», «правовая коммуникация», «правовое общение», «диалог в праве», «юридический дискурс» и др.

Усиление интереса к коммуникативным (или, если делать акцент непосредственно на обмене социальными действиями в сфере права, то к *социально-интерактивным*) истокам права не в последнюю очередь связано с более осозанным (и уже не таким критическим, как раньше) восприятием опыта зарубежной (западной) науки. Интенсификация познавательного процесса в рассматриваемом направлении естественным образом связана с изучением работ европейских и американских ученых, которые примерно со второй половины XX в. уделяют вопросу о глубинных (коммуникативных, интерактивных) основаниях права ключевое внимание (Т. Парсонс, Н. Луман, В. Кравиц и др.).

Эвристический интерес к западным ученым и их трудам (в том числе по изучаемой проблеме) у отечественных правоведов сегодня заметно возрастает.⁵ В современной правовой науке все активнее формируется и развивается интерес к проблемам социально-правовой коммуникации. На страницах научных журналов, в монографиях апробируются новейшие теоретико-правовые исследования в этой сфере познания.⁶

⁴ «Что же такое общество, какова бы ни была его форма?» — спрашивал К. Маркс и отвечал следующим образом: «Продукт взаимодействия людей» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 27. С. 402).

⁵ *Посконин В. В.* 1) Правопонимание Толкотта Парсонса. Ижевск, 1995; 2) Культурологическое правопонимание Толкотта Парсонса. Теоретико-методологический аспект. Автореф. дис. ... д. ю. н. СПб., 1996; *Посконина О. В.* Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества. Ижевск, 1997; *Посконин В. В., Посконина О. В.* Т. Парсонс и Н. Луман: два подхода в правопонимании. Ижевск, 1998; и др.

⁶ *Бачинин В. А.* Антропосоциологические проблемы права: методология и эмпирия // Правоведение. 2001. № 3. С. 27–39; *Ван Хук М.* 1) Право как коммуникация // Правоведение. 2006. № 2. С. 44–53; 2) Право как коммуникация // *Российский ежегодник теории права.* 2008. № 1. С. 376–432; 3) Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова, А. В. Полякова. СПб., 2012; *Правовое общение: постановка проблемы* / отв. ред. Л. С. Мамут. М., 2012; и др.

К настоящему времени не без основания можно уже говорить о достаточно высокой стадии развития коммуникативного подхода в праве, проявлением чего в определенной мере является постепенное разделение коммуникативной теории права на некоторые внутренние направления и методологические подходы к осмыслению проблемы специфически социальных оснований права.

Одна — наиболее центральная — линия исследований (по сути, истоки отечественной коммуникативной теории права) выстраивается в плоскости феноменологической концепции социального конструирования реальности. Ее изначально придерживается профессор А. В. Поляков, который в своих работах продолжает традицию петербургской школы философии и социологии права, развивая учения о предельно-социальных истоках и бытии права таких ее представителей, как Л. И. Петражицкий, Г. Д. Гурвич, Н. С. Тимашев и др., интегрируя соответствующие воззрения с достижениями западной правовой и социологической доктрины (П. Бергер, Т. Лукман, А. Шюц и др.).

Взгляды ученого в полной мере отражены в изданиях монографического характера и научных статьях,⁷ посредством которых правоведам удалось донести до российской юридической науки, пожалуй, главную мысль о том, что «право формируется как специфический социальный язык и как универсальная форма социального взаимодействия (коммуникации)» (курсив наш. — В. Т.).⁸ Этой точке зрения, с тем же определенным акцентом на социально-коммуникативной методологии (в контексте истории и теории правовой мысли), следуют сторонники из числа представителей современной петербургской школы права (М. В. Антонов, Е. В. Тимошина и др.).⁹

Другим не менее значимым направлением в рамках постмодернистской методологии можно считать «диалогическую концепцию права», развиваемую профессором И. Л. Честновым. По его мнению, право — это форма диалога, устанавливаемого между социальными субъектами (микро- и макроуровней), в ходе которого достигается «понимание» и выработываются общепринятые стандарты правового поведения.¹⁰

В последние годы в науку права (общеправовую теорию) стало входить словосочетание «нарративная юриспруденция». Нельзя сказать, что

---

⁷ Поляков А. В. 1) Правогенез // Правоведение. 2001. № 5. С. 216–234; 2) Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. СПб., 2003; 3) Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. № 2. С. 26–43; 4) Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // Там же. 2007. № 4. С. 7–12; 5) Нормативность правовой коммуникации // Там же. 2011. № 5. С. 27–45; 6) Современная теория права. Ответ критикам // Там же. 2011. № 6. С. 6–39; 7) Аналитическая философия, юридическая догма и теория коммуникации // Там же. 2012. № 3. С. 6–10; 8) Что есть право // Там же. 2012. № 6. С. 199–209; и др.

⁸ Поляков А. В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001. С. 148.

⁹ См., напр.: Антонов М. В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма // Правоведение. 2013. № 1. С. 157–181; Тимошина Е. В. Л. И. Петражицкий и Львовско-Варшавская школа права // Там же. С. 182–187.

¹⁰ Честнов И. Л. 1) Право как диалог: к формированию новой онтологии правовой реальности. СПб., 2000; 2) Диалогическая онтология права в ситуации постмодерна // Правоведение. 2001. № 3. С. 45–52; 3) Имеет ли право на существование постклассическая юриспруденция // Там же. 2012. № 5. С. 9–27; 4) Концепт справедливости в постклассическом правопонимании // Там же. 2013. № 2. С. 35–50; 5) Что есть право // Там же. 2013. № 3. С. 229–237; 6) Постклассическая коммуникативная концепция права как «незримая коллегия» // Там же. 2013. № 5. С. 112–123.

этим термином мы обязаны исключительно западным ученым, правоведам. Данный подход в той или иной степени был известен исторической науке, которая применяла нарративный (повествовательный) метод и, сопоставляя соответствующий процесс исследования с принципом историзма, стремилась достичь более или менее отчетливого и объективного понимания исторических событий на основе изучаемых (текстовых) источников информации. Сегодня и правовая наука, предметом которой является в том числе юридический текст (как источник транслируемой правовой информации), использует аппарат нарративной методологии, предполагающий, помимо прочего, применение потенциала коммуникативного подхода.¹¹

Рассматривая феномен правовой коммуникации в контексте нарративной юриспруденции (согласно которой смысл права передается через повествование, рассказ о нем, что возможно только в процессе социального общения и на основе взаимного понимания), один из проводников нарративного подхода в юриспруденции В. Кравиц отмечает: «В различных фазах и на разных *этапах кооперации по созданию организованного права* — законодательного, исполнительного и судебного процесса — граждане и другие участники правоотношений вовлечены в сложный процесс *правовой коммуникации*, которая со своей стороны *зависит от их действий и понимания*. Здесь *нормативные, оценочные и изменчивые* элементы правовой коммуникации сливаются в оформленное единство правового порядка (курсив Кравица. — В. Т.)».¹²

В работах по теории права (главным образом, зарубежных) можно встретить и такой текстуально-смысловой оборот, как «*дискурсивная теория права*», что также представляется гранью коммуникативного подхода в праве, поскольку ключевым здесь является межсубъектное взаимодействие.¹³ «Дискурсивная теория — процедурная теория практической рациональности. Согласно дискурсивной теории практическое или нормативное предложение правильно (или истинно) тогда и только тогда, когда оно может быть результатом рационального практического дискурса».¹⁴

Существуют и другие проявления коммуникативного подхода в праве, среди которых, в частности, можно выделить проводимую нами идею *социально-интерактивного анализа* процесса формирования и действия права.¹⁵ В рамках социально-интерактивного подхода идея социально-

¹¹ Кравиц В. 1) Пересмотр понятия права: директивы и нормы с точки зрения нового правового реализма // *Российский ежегодник теории права*. 2008. № 1. С. 433–445; 2) Юридическая коммуникация в современных правовых системах (теоретико-правовая перспектива) // *Правоведение*. 2011. № 5. С. 8–26; 3) Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? Размышления о феноменологии повествования права // Там же. 2012. № 1. С. 18–32; Мелкевик Б. Говорите на языке «нового нарратива о праве», или О том, как политкорректность «юридически» узаконивает себя / вступ. слово М. В. Антонова и Е. А. Патрикеевой // Там же. С. 33–56.

¹² Кравиц В. Нарративная юриспруденция или теория правовой коммуникации? С. 32.

¹³ Алекси Р. 1) Юридическая аргументация как рациональный дискурс // *Российский ежегодник теории права*. 2008. № 1. С. 446–456; 2) Дуальная природа права / пер. с англ. С. И. Максимова // Там же. 2009. № 2. С. 19–33; 3) Дуальная природа права // *Правоведение*. 2010. № 2. С. 138–152.

¹⁴ Алекси Р. Дуальная природа права. С. 143.

¹⁵ Трофимов В. В. 1) Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект. Тамбов, 2002; 2) Конкуренция и кооперация потребностей и интересов взаимодействующих индивидов как объективная основа императивных

правовой коммуникации предстает прежде всего как идея социального обмена (обмена встречными социальными действиями), социальной интеракции, или взаимодействия (Т. Парсонс, Н. Луман и др.).¹⁶

Результатом исследований Т. Парсонса стало создание крупнейшей теоретической системы, раскрывающей общественные закономерности, — «теории социального действия». Одним из главных выводов данной концепции явилось установление того, что атмосфера внутригруппового взаимодействия оказывает на поведение индивидов значительно большее влияние, чем официально зафиксированные образцы поведения. На основании этого Т. Парсонс в соработничестве со своими американскими коллегами Г. Беккером, Э. Шилзом, Э. Толмэнном, Р. Сирсом, К. Клакхоном и другими пришел к утверждению, согласно которому система правовых ценностей не является объективированной или предустановленной, она есть результат взаимодействия. Социальная роль действующего лица определена «нормативным ожиданием членов группы». Именно это взаимодействие ожиданий лиц имеет предопределяющее значение для ориентации человека в предусмотренной нормой ситуации.¹⁷

По мнению Ф. Уилкинсона (исследователя функционалистской социологической школы в правовой науке), основная заслуга Т. Парсонса состоит в том, что его акцент на взаимодействии социальных субъектов в сфере правового регулирования открыл перспективы для «интеракционистского анализа права». ¹⁸ Этот методологический потенциал был реализован в исследованиях Парсонса и его последователей.

Один из последователей Парсонса западногерманский социолог Никлас Луман в книге «Социология права», в частности, писал: для того чтобы найти тот элементарный социальный уровень, на котором зарождается право, необходимо обратиться к свойствам «фактической жизни». По его мнению, «основы элементарных правообразующих структур и процессов» лежат в межличностных отношениях, а источник права коренится в чувстве «ожидания» определенного поведения, которое становится основой

и диспозитивных начал в правовом регулировании // Проблемы права и социологии. Межвуз. сб. науч. ст. Вып. 2. Волгоград, 2002. С. 31–34; 3) Введение в микросоциологию права // Вопросы теории государства и права: историко-правовые исследования. Сб. науч. работ / науч. ред. Н. А. Придворов. Тамбов, 2004. С. 81–121; 4) Социально-интерактивные основы правообразовательного процесса (опыт теоретического моделирования) // Вестник Тамбовского гос. ун-та. Сер. «Гуманитарные науки». 2006. Вып. 4(44). С. 44–54; 5) Проблема микросоциальных истоков права в юридической науке // Ленинградский юридический журнал. 2007. № 1(7). С. 5–20; 6) Позитивные юридические средства и право сотрудничества: постановка проблемы // Правоведение. 2008. № 2. С. 163–177; 7) Социально-правовое взаимодействие как процесс воспроизводства правовой нормативности: теоретико-социологический аспект // Право и образование. 2010. № 10. С. 145–154; 8) Конфликтное право и право сотрудничества // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 40–48; и др.

¹⁶ См., напр.: Парсонс Т. 1) Система современных обществ. М., 1998; 2) О социальных системах. М., 2002; 3) О структуре социального действия. М., 2002; 4) Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология. Антология. В 2 ч. Ч. 2 / пер. с англ., фр., нем., ит.; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М., 2002. С. 3–43; Луман Н. Общество как социальная система. М., 2004.

¹⁷ В. В. Посконин считает, что «философско-методологический и социологический анализ права, предпринятый Т. Парсонсом, является, по существу, анализом его предельных, содержательно-проблемных граней» (Посконин В. В. Правопонимание Толкотта Парсонса. Ижевск, 1995. С. 136).

¹⁸ Wilkinson P. The Potential of Functionalism for the Sociological Analysis of Law // Sociological Approaches to Law. London, 1981. P. 79.

поведения другого, и наоборот. Право — это структура социальной системы, которая покоится на конгруэнтной генерализации нормативных ожиданий поведения.¹⁹

Другой западногерманский ученый Вернер Кравиц, солидаризируясь с трактовкой права в качестве «самосоздающейся» системы, предложенной Н. Луманом, также подчеркивает, что формирование и изменение права происходят в рамках развития общественной системы. В ходе социокультурной эволюции право приспосабливается к складывающимся или уже установившимся формам жизни и поведения.²⁰

Рассмотренные теоретико-правовые тенденции и опыт социально-научного осмысления права позволяют констатировать: категория «*взаимодействие*» — это «предельно-конечная» категория в плане познания социальных (и правовых) явлений. Социальные системы являются *интерактивными системами*, образуемыми совокупностью сознательных взаимодействий между людьми. Социально-правовую реальность необходимо рассматривать и изучать как субъектно-структурированный социальный объект, как социально-сущностный контекст, где у основания находится *взаимодействие людей* — разумных представителей живого мира. Именно люди образуют деятельностные системы (автономные, комплексные, самореферентные), которые участвуют в бесконечном преобразовании всех сфер социальной жизни, являются не номинальными, а реальными агентами и проводниками правовых импульсов.

«Весь обширный океан мировой истории человечества, — писал П. А. Сорокин, — составляется из отдельных ручьев и рек, каковыми являются отдельные длительные и мгновенные процессы взаимодействия. Одни из них, а именно организованные потоки взаимодействия, имеют определенные очертания берегов, определенное русло, другие — неорганизованные процессы или группы, подобны бесформенной болотной воде, не имеющей определенного русла, ясных береговых очертаний и точно выраженного течения... Словом, весь сложнейший мир общественной жизни распадается на очерченные процессы взаимодействия... Как море составляется из отдельных ручьев, рек и потоков, так и океан общественной жизни человечества составляется из таких отдельных процессов взаимодействия».²¹

Еще с начала XX в. немарксистская социология в определенный принцип возвела необходимость «дробления» общества вплоть до микро-социальных систем взаимодействия. Речь шла о сознательном изменении ориентации. Это было связано с тем, что во взаимодействии стали обнаруживать уникальный феномен, обладающий силой творить, создавать, преобразовывать социальные явления и институты. Г. Д. Гурвич, сравнивая социологию с физикой, отмечал, что, так же как в физике есть различия между макрофизикой, характеризующейся константными величинами, и микрофизикой электронов, волн и квантов, социологию можно свести к простому и неделимому, поскольку именно «социальные электроны» обуславливают динамику права.²² Правовые формы, по Г. Зиммелю,

¹⁹ *Правовая мысль XX века. Сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2002. С. 85–87.*

²⁰ *Право XX века: идеи и ценности. Сб. обзоров и рефератов / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. М., 2001. С. 117–119.*

²¹ *Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. С. 27.*

²² *Гурвич Г. Д. Социология права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права. Избр. соч. / пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. СПб., 2004. С. 703.*

развиваются во взаимодействии; взаимодействующие индивиды не только ориентируют свое поведение на существующую форму, но и сами воздействуют на нее. Интересы, цели, мотивы, устремления действующих индивидов являются, согласно немецкому ученому, истинными движущими силами социальной жизни, включая и ее формы.²³ Он отмечал: «Как руководящий всемирный принцип, мы должны принять, что все со всем находится во взаимодействии, что между любой точкой вселенной и какой-либо другой существует те или иные взаимные влияния».²⁴

Осуществляя поиск социальных оснований права, необходимо исходить из того, что его источники и основу следует искать в феномене *взаимодействия (интеракции) индивидов* — внеформационной и, как представляется, универсально-исторической категории жизни общества в целом, а также ее составной части и особой разновидности — «правовой жизни». Это кратко сформулированное положение означает, что различные по своей функциональной природе стороны взаимодействия индивидов, выступая в самых разнообразных видах и образуя ипостась правовой жизни (жизни людей, связанной с правом), определяют предмет устанавливаемых субъектом правотворчества правовых (юридических) норм, их содержание, структуру и алгоритм действия.

В определении границ социальной основы права мы волей-неволей наталкиваемся на деятельность людей, описываемую в терминах человеческой коммуникации, взаимодействия или общения индивидов между собой. Это глубинные, деятельностно-коммуникативные корни социального, социальности, социальных явлений, права, правовой жизни. Разнообразные правовые акты и правоотношения, характеризующие специфику и уровень правового развития общества и выражающие на основе права форму и степень развития социальной жизни, представляют собой формализацию (упорядочение) типов и способов фактических взаимодействий между индивидами как субъектами права.

Взаимодействие, или деятельностная коммуникация, по меньшей мере двух человеческих индивидов — первокирпичик, матрица всякой социальности, всего социального. Коммуникация является тем элементарным процессом, который конституирует социальную реальность.²⁵ Именно эта деятельностная коммуникация и должна составлять главную цель познания процесса социальной обусловленности права, поскольку социальность, углубляясь до своих корней или предельных оснований, уточняется как интеракция, деятельностная коммуникация между людьми. Как справедливо отмечает А. В. Поляков, «если мы будем понимать социальное как некую «социальную физику», существующую по объективным законам, никак не соотносимым с человеческой субъектностью (субъективностью), то мы не сможем понять и право как целостное, интегральное явление».²⁶

Правообразование, правотворчество, правореализация — это функции интегрированных в общее правовое пространство многочисленных

²³ Зиммель Г. Общение: Пример чистой, или формальной социологии // Социологические исследования. 1984. № 2. С. 170–178.

²⁴ Зиммель Г. Социальная дифференциация. С. 24–25.

²⁵ Luhmann N. Soziale Systeme: Grundriss einer allgemeinen Theorie. Frankfurt am Main, 1984. S. 198 (цит. по: Феофанов К. А. Никлас Луман и функционалистская идея ценностно-нормативной интеграции: конец вековой дискуссии // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 50).

²⁶ Поляков А. В. Прощание с классикой, или Как возможна коммуникативная теория права // Российский ежегодник теории права. 2008. № 1. С. 12.

взаимодействий между людьми по поводу как установления (поиска) взаимных (коррелирующих) «возможных и необходимых» действий (прото-типов субъективных прав и обязанностей), так и легализации (позитивно-правового оформления) найденных образцов правового общения, а также дальнейшей реализации имеющихся механизмов и способов в социально-правовой жизни. В этом проявляются репродуктивные функции (функции самовоспроизводства) социальной системы.²⁷

Как отмечают П. Бергер, Т. Лукман, социальный порядок — это человеческий продукт, или, точнее, непрерывное человеческое производство. Он создается человеком в процессе постоянной экстернализации. Социальный порядок в своих эмпирических проявлениях не является биологически данным или происходящим из каких-либо биологических данных. Нет нужды добавлять, что социальный порядок не является также данностью человеческой природной среды, хотя отдельные ее черты могут быть факторами, определяющими те или иные характеристики социального порядка (например, экономические мероприятия, технологические приспособления). Социальный порядок не является частью «природы вещей» и не возникает по «законам природы». Он существует лишь как продукт человеческой деятельности.²⁸

Принципиальным моментом феномена взаимодействия, обуславливающим возникновение протоправовых регуляторов (стандартов, определяющих условия жизнеспособности социальных систем), является способность осуществлять действия в системе с учетом ориентации на «Другого». Иными словами, система объективно «заставляет» взаимно соизмерять поведение и поступки друг друга; это всегда так или иначе двусторонний контакт. По определению Я. Щепаньского, «взаимодействие — это систематическое, постоянное осуществление действий, имеющих целью вызвать соответствующую реакцию со стороны партнера, это воздействие на самого партнера, причем вызванная реакция вызывает в свою очередь реакцию воздействующего».²⁹ В своей работе по социальным основам «справедливости» Г. В. Мальцев точно замечал это свойство социальных систем. По его мнению, социальные действия «не просто существуют, осуществляются, но именно встречаются, стыкуются, где происходит взаимный процесс учета этих действий, возникает специфическая ориентация действующих субъектов».³⁰

Благодаря этому системному свойству социальные действия приобретают известную направленность и социально-ценностную значимость, нормативно-правовую оформленность. Все социальные действия в рамках социального порядка связаны таким образом, что одно из них всегда

²⁷ Вместе с тем не следует упускать из виду и обратные по характеру процессы в системах социально-правовых коммуникаций. По верному наблюдению К. В. Шундикова, порядку отношений в системах социально-правовых коммуникаций свойственна постоянная флуктуационность: «Наряду с сохранением и воспроизводством определенной устойчивой части структур в системе правовой жизни общества не прекращаются процессы изменений, распада и трансформации отношений, вследствие чего существенная их часть всегда находится в состоянии нестабильности» (Шундиков К. В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 215).

²⁸ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 89.

²⁹ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 84.

³⁰ Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М., 1977. С. 10.

является осознанным или невольным ответом на другое. Как верно отмечает Ю. И. Гревцов, «известная независимость сторон отношения друг от друга не исключает того, что каждая из них может добиться осуществления преследуемых целей только с помощью другой стороны, ее ответных действий».³¹

За социальными нормами (моральными, правовыми, политическими и др.), которые предписывают ответный образ действия, стоят объективные социальные механизмы, одним из которых является «взаимость». По выражению Г. В. Мальцева, «взаимость не есть... следствие простой конвенции — действительного или предполагаемого соглашения между людьми, а вытекает из природы социального общения, представляет — плохо или хорошо (это зависит уже от конкретных социально-исторических предпосылок) — тенденцию к самоподдержанию, развертывающуюся внутри системы социальной деятельности».³²

На универсальность идеи взаимности, которая отражает стремление социума к равновесию и жизненно-бытийным перспективам, обратил внимание, характеризуя причины образования греческого полиса-государства, Платон: «Государство... возникает... когда каждый из нас не может удовлетворить себя сам, но нуждается еще во многом... Каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом... люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства».³³

Во многом та же социальная основа предопределяет и возникновение права. Право возникает только в сообществе, социуме как средство, способ взаимодействия обособленных, но объективно нуждающихся друг в друге индивидов. «Как только человек намерен претендовать на материальные и духовные блага, так или иначе затрагивающие интересы и права других лиц, ему неизбежно придется вступать в конкретные правоотношения с ними, чтобы выработать компромиссный вариант, гарантирующий и удовлетворение собственного интереса, и учет прав других лиц. Взаимозависимость становится необходимым условием реализации субъективного права и, соответственно, принципом права в целом... К сожалению, — замечает В. М. Сырых, — российские правоведы пока что этому принципу не уделяют должного внимания, в их трудах он не только не исследовался сколько-нибудь полно и системно, но и, как правило, выводился из числа основных признаков права. Между тем этот принцип имеет всеобщее значение в пределах всей системы права».³⁴

Принцип взаимности любого направленного на других действия отражает объективное положение вещей, возникает (вызывается к жизни) из объективной природы социального взаимодействия. Взаимость — это язык и форма сознания и, по сути, главный способ бытия. Анализируя сущностные признаки права, раскрывая особенности частно- и публично-правового аспектов регулирования, эти положения развивает В. М. Сырых. Взаимость, реализованная в обмене, является, по мнению

³¹ Гревцов Ю. И. Правовые отношения и осуществление права. Л., 1987. С. 22.

³² Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. С. 13. — См. также: Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007.

³³ Платон. Государство // Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 3 / пер. с древнегреч.; под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М., 1994. С. 130.

³⁴ Сырых В. М. Логические основания общей теории права. Т. 3. Современное правопонимание. М., 2007. С. 336.

ученого, исторически первой формой правовой взаимозависимости. «Взаимность» — это «ведущий принцип» частного права, определяющий иные стороны и связи частнопрововых отношений и реализуемый «в целях максимально полного встречного удовлетворения личных интересов граждан и иных лиц». Наиболее распространенной правовой формой реализации «принципа взаимности» выступает двустороннее или многостороннее правоотношение. Субъектами этого отношения выступают поименно определенные лица, а правам одного лица корреспондируют обязанности другого (например, отношения купли-продажи, мены, перевозки, оказания услуг).³⁵ «Субъект не может определенным образом воздействовать на других без того, чтобы терпеть как справедливое такое же воздействие к нему в сходных обстоятельствах... Каждый акт, который одно лицо совершает в отношении “других”, несет виртуальные управомочения на совершение соответствующего акта данными “другими” в отношении этого лица».³⁶

В частном праве этот взаимный обмен действиями распадается на различные по своей предметной структуре виды взаимных предоставлений, имеющие правовой характер: вещь взамен вещи (простая мена, встречная поставка), вещь за деньги (купля-продажа), вещь за услуги, услуги за деньги или за вещь (наем, подряд, перевозка, комиссия и т. д.), услуга за услугу. Все эти и другие случаи в целом охватываются четырьмя формулами гражданского оборота, которые были известны уже римским юристам: «Даю, чтобы ты дал» (*Do ut des*); «Даю, чтобы ты сделал» (*Do ut facias*); «Делаю, чтобы ты дал» (*Facio ut des*); «Делаю, чтобы ты сделал» (*Facio ut facias*).³⁷

Социально-интерактивная система, ее внутренний баланс и равновесие предполагают закономерную связь действий, в которой то, что человек дает другим (обществу, группам индивидам и т. д.), должно быть в той или другой форме возвращено ему при соблюдении известных правил и норм. Человек берет от других только потому, что дает им. Этот момент свойственен всей системе взаимно ориентированных действий.³⁸ Именно этим следует объяснить наличие в различных правовых системах критериев (правовых средств) для обнаружения так называемой «серьезности намерений» — явления, существующего в обязательственном праве. Данный правовой институт учитывает, что обязывающие в правовом смысле обещания обычно даются при условии обещания предоставления встречной услуги. Если же обещание носит односторонний характер, то перед юристом тотчас возникает вопрос о том, насколько серьезны намерения заключить такого рода бескорыстную сделку и тщательно ли она была продумана, чтобы можно было признать ее юридически связывающий характер: «Обещание оказать какую-либо услугу считается серьезным только при наличии встречного удовлетворения (*consideration*). И если это условие не соблюдено, то такое обещание лишено судебной защиты (*unenforceable*), т. е. нельзя потребовать его выполнения через суд».³⁹ Таким

³⁵ Там же. С. 337.

³⁶ Шпренгер Г. Взаимодействие: соображения по поводу антропологического понимания масштабов справедливости // Государство и право. 2004. № 5. С. 20.

³⁷ Там же. С. 17–18.

³⁸ Несбалансированность обязательственных отношений в мировой истории, отмечает Л. Л. Кофанов, нередко приводила к бурным социальным потрясениям. Так было и в древнем Риме (Кофанов Л. Л. Должник и кредитор в праве и жизни раннего Рима // Человек и общество в античном мире / отв. ред. Л. П. Маринович. М., 1998. С. 33).

³⁹ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. II. М., 2000. С. 89–92.

образом, именно «встречное удовлетворение», «ответная услуга», непосредственная «взаимность» в обязательствах обуславливают их правовой характер. Каждый обслуживает другого, чтобы обслужить самого себя, и каждый пользуется другим как своим средством. Как верно замечает М. Голецки, мотивом, побуждающим людей осуществлять акты взаимного обмена, является не принуждение или отношение зависимости, но, скорее, взаимная выгода, извлекаемая от обмена. По мнению ученого, ответ Аристотеля указывает, что в случае отсутствия (недостаточности) взаимной выгоды не происходит обмена.⁴⁰

Если ответное действие не поступает или имеет ненадлежащую форму, социальная система испытывает колебания, приобретает неустойчивость, стремится восполнить недостающие ресурсы. Поэтому наряду с взаимностью значительная роль в обеспечении процессов балансировки и выравнивания общественных отношений принадлежит такому важнейшему принципу социального общения, как *эквивалентность*, который также возникает из объективной природы двустороннего взаимодействия субъектов. Он предполагает, что всякое направленное на других действие подлежит обязательному возмещению со стороны других в соразмерной форме и на определенных условиях. Поэтому закономерно, что в судебных решениях и в доктрине эквивалентность обязательств сторон рассматривается как общее требование взаимной справедливости (*iustitia commutativa*), и прослеживается стремление (правда, на одних этапах исторического развития оно проявляется сильнее, чем на других) всеми способами прямо или косвенно его учитывать. «Чем заметнее несбалансированность взаимных обязательств по договору, тем с большим доверием судья отнесется к заявлению пострадавшей стороны о том, что она была обманута контрагентом, что на нее оказали давление или ввели в заблуждение, и что при заключении договора допущены ошибки принципиального характера».⁴¹

Принцип эквивалентности представляет собой общий социальный закон, согласно которому люди не просто учитывают результаты, пользуясь определенным масштабом их измерений, но стремятся давать и получать равное за равное. Это важно для осуществления нормального процесса взаимодействия, построенного по типу обмена, — иметь действительные или хотя бы воображаемые гарантии того, что взаимные предоставления будут совершаться в эквивалентной форме, потому что именно в такой форме один человек признает другого равным себе. Действующий на уровне конкретных актов социального взаимодействия принцип эквивалентности дает реальную основу для идеи социального и формального равенства.⁴² Не случайно, что всеобщим эквивалентом в мире людей, взаимодействующих между собой, соотносящихся друг с другом, является «право». Справедливость, право, равенство, причастные к системе всеобщего обращения, вносят меру во взаимные отношения людей, устанавливая определенные ценности и ценностные схемы. Представления о социальной справедливости и праве возникают из системы всеобщего обращения. С одной стороны, справедливость и право дают нормы для общения внутри социальных групп и между ними, с другой — эти феномены

⁴⁰ Golecki M. J. Synallagma and Freedom of Contract // German Working Papers in Law and Economics. Vol. 2003. P. 13 (www.bepress.com/gwp/default/vol2003).

⁴¹ Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. Т. II. С. 12–13.

⁴² См. об этом: Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. С. 62.

формируются закономерностями социального общения посредством внутренних функциональных связей и зависимостей.

Взаимный учет действий и эквивалентный обмен, выступая характерными свойствами социальной интеракции, оказывают содействие и сопутствуют перекрещивающимся импульсам, издаваемым участниками взаимодействия, обуславливают функционирование (взаимопереход) протоправового материала, привносимого в интерактивную среду индивидами. Взаимный учет действий и обмен, как универсальные для межличностных отношений переменные величины, опосредуют внутреннюю связь, создают необходимые для развития организационные предпосылки, которые служат основой бытия права.

Социальное взаимодействие представляет собой сложную цепь явлений, факторов, отдельных элементов, которые в сумме дают эффект необходимого нормативной регуляции, выступающей главным основанием существования социальной системы. Этот процесс нормоформирования инициируется прежде всего самой личностью, которая вступает во взаимосвязи и приводит в движение сложный социальный механизм. Личность как субъект коммуникативного процесса осуществляет действия, которые представляют собой тончайшую смесь самоограничения и импульса, идеализма и эгоизма, с одной стороны, руководствуются перспективной целью, но с другой — обусловлены давлением окружающего мира, которое выражается в сдерживании «вредных» для других людей импульсов индивидуального поведения, в определении надлежащего «русла» для такового. Индивиды, являясь функционирующими частями, поддерживают равновесие всей системы как правильно работающего социального организма.

Именно во взаимодействии могут быть решены те или иные социальные проблемы, включая организационно-регулятивные. Как только люди начинают взаимодействовать друг с другом, между ними развивается социальная организация, координируются и мобилизуются «усилия» субъектов социального взаимодействия. Возникающие правовые координаты, «формы» являются элементом взаимодействия, имманентно ему присущи. Для социальной жизни это своего рода «подпорки», позволяющие определять характер функционирования (плюс/минус) и выполнять необходимую коммуникационную и интегративную функцию.

В культуре взаимодействия коренятся нормативы, определяющие, что именно надлежит делать при тех или иных обстоятельствах людям, имеющим различный статус в различных ситуациях. Эти нормативные стандарты суть интегрирующая основа социальных систем, способ, обеспечивающий гармоничное функционирование в соответственных связях друг с другом в системе. В свою очередь социальное взаимодействие, основанное на функциональном вкладе каждой из социальных подсистем, ведет к созданию устойчивого равновесия в общем, глобальном масштабе. «Это нормативные модели, которые определяют, что в данном обществе считается должным, законным или ожидаемым образом действия или социального взаимоотношения».⁴³

Нормативы являются результатом взаимных действий внутри социальных систем, взаимных актов поведения и совокупности мотивируемых отношений к определенным ситуациям. Чаще всего норматив — это мера полезного, оптимального, а главное — необходимого функционирования.

⁴³ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2002. С. 334.

В определенном смысле норма всегда есть одна из возможных (целесообразных) характеристик основных качеств функционирующих явлений.

Социальное взаимодействие обуславливает появление определенной «поведенческой культуры» как совокупности «образцов социального действия», в которых обнаруживаются правовые очертания (прототипы). Эти правовые прототипы представляют собой то, что П. А. Сорокин определяет как механизм «социального контроля» в виде неких стандартизированных форм социального поведения («должное», «рекомендуемое», «запрещенное») и реакций на них в виде негативных и позитивных санкций (наказаний и наград), составляющих особую регулятивную субкультуру.⁴⁴

Социальное взаимодействие есть нечто большее, чем сумма взаимодействующих индивидов, преследующих свои собственные цели, учитывая при этом позитивные или негативные моменты, выступающие как интересы и цели других индивидов. Социальное взаимодействие предполагает единство взаимодействующих индивидов (его форму). В процессе существования взаимодействующие индивиды (личности) вырабатывают взаимоприемлемые для всех символические определения (символы, значения, ценности), посредством которых они приспособляют свои действия к действиям других, одновременно заставляя этих других приспособляться к своим собственным действиям.

Человек, по сути, является «носителем» нормативной формы, но лишь во взаимодействии с другим человеком эта форма приобретает значение. Каждая форма общения проистекает из взаимодействия субъектов. Чтобы сказать «Я могу», нужно сказать «Он позволяет»; чтобы сказать «Я имею», нужно сказать «Он должен», и т. п. Каждый из субъектов взаимодействия равнозначен «другому» по форме взаимодействия. Посредством отношения между индивидами собственное поведение (действие) одного становится формой другого, и наоборот. Один субъект является «зеркалом» формы поведения другого. Форма действия одного человека, равная форме действия другого человека, становится всеобщей формой. Каждый служит для другого в качестве своего рода эквивалента.

Так формируется и воспроизводится *объективная нормативно-ценностная* система, аккумулирующая сложившиеся относительно стабильные социальные связи, застывающие «в процессах самоорганизации в такие структуры норм, которые формируют внутрикультурный образец “человеческой природы”, навязывая ему схемы должностояния и повинности».⁴⁵

Объективная нормативность, формирующаяся в процессе социального взаимодействия людей, их социального общения, — одна из важных закономерностей развития общественного бытия, его универсальное свойство. Форма регулирования взаимодействия вытекает из природы взаимодействия, а не наоборот. По мере того как один субъект вступает во взаимодействие с другими, возникают различные свойственные им формы взаимодействия, образцы объективных норм. Их число ограничено числом взаимодействий. В ходе самодвижения социальной системы единичная форма взаимодействия (возведенная в степень n) переходит в более развернутую форму взаимодействия, и, пользуясь терминологией К. Маркса, она (форма) начинает выступать как «сгусток»,⁴⁶ лишенный

⁴⁴ См. об этом: Сорокин П. А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1999. С. 82–89 и сл.

⁴⁵ Лем С. Модель культуры // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 51.

⁴⁶ Маркс К. Капитал. Т. I. М., 1988. С. 73.

различий человеческих действий. Создаваемая в результате взаимодействия индивидов форма регулирования (саморегулирования), форма взаимодействия сильнее конкретных проявлений, и потому она принимается индивидом либо заставляет его принять (признать) себя, поскольку за ней стоит общий поведенческий опыт множества других людей, не требующих, но могущих потребовать, не принуждающих, но могущих принудить. Это всеобщая форма многих, это объективная форма, это абстракция, сравнивающая людей, это закономерность, вмещающая в себя инициативу каждого, стоящего на грани случайности. Выбор этой формы predetermined не свыше, а изнутри, из глубин океана взаимодействий, в которых скрываются простые вибрации двух, трех, четырех взаимодействующих личностей, но столь значимые в своей перспективе.

Право появляется лишь тогда, когда тот или иной вариант взаимодействия (его форма) приобрел достаточное распространение и значение всеобщего эквивалента. Каждый может приспособить к нему свою активность, для каждого право будет критерием его активности. Действительное неравенство активностей (актов, действий) будет равным между собой (во всех отношениях) по форме «всеобщего» (по праву). В основе образования «развернутой всеобщей формы» будет лежать та, которая в процессе взаимодействия показала себя наиболее значимой, приемлемой, истинной. Откристаллизованная всеобщая форма, какой является право, достигает такой степени совершенства, что при этом создается впечатление, будто не действия людей в своем соотношении образовали ее, а они обусловлены самой формой (правом). Однако именно право возникает на основе ситуации, и это подлинное право, ибо оно восходит к началу начал — экзистенции человека. Материя жизни, подвергаемая правовому урегулированию, не есть простая, аморфная естественная материя; это, по выражению В. Майхофера, «социальная материя». Поэтому тот, кто создает правовые формы, не может вдохнуть жизнь в некоего Давида, запряженного в глыбе мрамора; скорее он, подобно Микеланджело, должен высвободить его из этой глыбы.⁴⁷

Именно эта «социальная материя», т. е. жизненные ситуации, суть которых состоит в «совокупности случайностей» «внешнего мира» и которые связывают людей между собой в рамках их субъективно-объективных и межсубъективных экзистенциальных отношений, выступая как способы бытия человека в мире и способы сосуществования людей, является внепозитивным источником позитивных норм права.

Человек приобретает свое значение лишь постольку, поскольку он есть выражение одного и того же общественного единства — человеческого взаимодействия, поэтому формы (в том числе правовые) человеческого поведения имеют социальный характер, и проявляться они могут лишь во взаимодействии одного человека с другим. Поэтому нужно исходить из взаимодействия индивидов, чтобы напасть на следы скрывающейся в нем нормативной формы.

Здесь нужно обратить внимание и на то, что качество социально-практического отношения всегда складывается в определенной зависимости от «внутреннего механизма» отношения, определяющего в значительной мере общий результат взаимодействия. «Внутренний механизм» человеческого взаимодействия может проявляться в различных состояниях, в том числе конфликта, антагонизма, оппозиции, конкуренции — либо

---

⁴⁷ Цит. по: *Нашиц А.* Правотворчество. Теория и законодательная техника. М., 1974. С. 27.

компромисса, сотрудничества, кооперации. Эти состояния составляют жизнь определенного социума, рассматриваемую как органический процесс, в котором отдельные лица связаны друг с другом «методом пробы».

Состояния *конфликта* и *сотрудничества* есть содержание социального взаимодействия. Существуют две противоположные, альтернативные стратегии, обозначающие выбор между парадигмой сотрудничества, гармонизации отношений и парадигмой соперничества, противостояния, агрессии. Эти стратегии называют *консенсиализмом* (от лат. *consensio* — единогласие) и *диссенсиализмом* (от лат. *dissensio* — разлад, разногласие). Под консенсиализмом понимается то, что П. А. Сорокин называл «неэгоистической творческой любовью», «творческим альтруизмом», или, пользуясь социологической терминологией, «позитивной поляризацией», а под диссенсиализмом — то, что он именовал «индивидуальным и коллективным эгоизмом», основывающимся на вражде и ненависти, или «негативной поляризацией».⁴⁸

Онтологически консенсиализм и диссенсиализм выступают как две диалектически противостоящие друг другу и друг друга дополняющие в индивидуальном сознании и общественной практике нравственные и политические парадигмы, как регуляторы и движители деятельности людей, их поведения и поступков. Стремление к сотрудничеству, компромиссу, партнерству и одновременно подверженность конфликту, разладу, противоборству — это две основные социальные альтернативы, в соответствии с которыми происходит развитие всей общественно-правовой системы. Данные социальные стратегии, с одной стороны, и система права (или механизм правового регулирования) — с другой, находятся (и это достаточно очевидно) в детерминационной взаимосвязи, где первое влияет на второе и, в свою очередь, испытывает влияние со стороны последнего.

Применительно к праву стратегии сотрудничества и конфликта представляют собой ту социальную основу, в соответствии с которой право получает свой «заряд» — положительный (стимулирует к активному поведению) либо отрицательный (вводит запреты и обязывает). Если анализировать нормы позитивного права, регулирующие отношения сотрудничества и конфликта, нельзя не увидеть закономерность, которая подчеркивает социально-интерактивную обусловленность правовых норм. Системы с кооперирующимися интересами обуславливают качество диспозитивности правовых норм с перспективными границами «возможного»; системы с конкурирующими интересами определяют качество императивности правовых норм, обеспечивающих социальное соперничество рамками «допустимо-должного».⁴⁹

Характер ситуаций сотрудничества обусловлен целым рядом общих объективных причин, связанных прежде всего со стремлением людей жить нормально, без вражды, сосуществовать на мирных взаимовыгодных началах. Эмиль Дюркгейм писал: «Если мы и любим войну, то мы любим также и радости мира, а последние ценятся тем больше, чем более люди социализированы, т. е. (поскольку оба слова равнозначны) цивилизованы».⁵⁰ Процесс солидаризации осуществляется автоматически, благодаря тому

⁴⁸ Цит. по: *Социальная стратификация российского общества* / отв. ред. З. Т. Голенкова. М., 2003. С. 113.

⁴⁹ Трофимов В. В. Конфликт и сотрудничество как объективная основа правообразовательного процесса // Российский юридический журнал. Электронное приложение. 2010. № 2. С. 5–13.

⁵⁰ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 19.

только, что каждый преследует свои собственные, выгодные для себя интересы.

Корпоративная среда — это нравственный правовой источник, который обеспечивает объединившихся и взаимодействующих на основе сотрудничества индивидов установленными правилами, а также способами их применения. Эти мирные отношения между людьми рождают свои правовые формы, юридические конструкции, правовые средства, адекватные этим отношениям правовые институты, правовые комплексы, элементы которых могут концентрироваться в различных правовых источниках. Все эти элементы составляют то право, которое обеспечивает взаимосогласующиеся интересы участников правового обмена и приобретает свои основные свойства и качества исходя из этой социальной солидарности. Одним из главных следствий социального сотрудничества (не единственным) является воспроизведение основных форм социальной солидарности в виде позитивных (стимулирующих) правовых средств, которые находят закрепление в соответствующих правовых формах. Социальные действия (взаимодействие участников правовой жизни), выражающие положительное сотрудничество, кооперацию, тесным образом связаны с такими отраслями позитивного права, как договорное, корпоративное, коммерческое.

Солидарность (сотрудничество) как положительный вид интеракции, связи между индивидами и социальными группами в рамках микро- и макросистем обуславливает явления сближения людей, их соприкосновения, а следовательно, и умножения представляющихся им случаев взаимосвязей. На этой основе естественным образом происходит упорядочение, оформление пропорциональных солидарным взаимосвязям правил юридического характера. Причем большая часть этих правил направлена на предоставление возможностей действовать свободно, без принуждения, поэтому процесс сотрудничества индивидов имеет результатом нормы либо рекомендательного, либо управомочивающего характера. Поскольку процесс солидаризации самопроизволен, то нет нужды ни в каком принудительном аппарате ни для создания, ни для сохранения динамики данного типа. Для поддержания этих процессов нужен механизм другой направленности — поощрительно-стимулирующей. Именно такие нормы составляют и должны составлять доминанту правовой системы. Корпоративное право, договор, вырастающие из положительной интеракции индивидов, есть главный показатель цивилизованности правовой системы общества.

Противоположной сотрудничеству стороной социального взаимодействия являются отношения борьбы, соперничества, состязательства или конфликта, порождающего особый тип правового регулирования, предназначенный для опосредования и упорядочения конфликтных отношений в социуме.

Под конфликтом обычно понимается противоборство двух или нескольких субъектов, обусловленное противоположностью (несовместимостью) их интересов, потребностей, систем ценностей или знаний. Конфликтолог Л. Козер предлагал понимать под конфликтом «борьбу за ценности и претензии на определенный социальный статус, власть и недостаточные для всех материальные и духовные блага; борьбу, в которой целями состоящих в конфликте сторон являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника».⁵¹

---

⁵¹ Цит. по: Кудрявцев В. Н. Юридический конфликт // Государство и право. 1995. № 9. С. 9.

Конфликт предотвращает стагнацию, стимулирует ход колебаний взаимодействий, выступает в роли медиатора, с помощью которого артикулируются проблемы, находят их решения, служит основой изменений в системах взаимодействия. При этом в «свободных обществах» конфликт, направленный на разрешение трений между противниками, часто играет стабилизирующую и интегративную роль.

Каждый конфликт имеет структуру, которая сводится обычно к таким основным величинам, как стороны конфликта, условия протекания конфликта, образы конфликтной ситуации, возможные действия участников конфликта и исходы конфликтных действий (в общем — динамика конфликта). В конфликтных ситуациях, возникающих в различных жизненных областях (сфера преступлений, экология, семья, гражданский оборот и пр.), происходит фиксация определенных форм взаимодействия. Стандарты поведения достигают фиксированного уровня в процессе переключения, чередования, повторения, изменения линий интеракции, опосредованных энергиями участвующих лиц, каждое из которых имеет для «другого» значение качественного и количественного показателя, являясь и эквивалентом «другого», и эталоном, мерой действий оппонента. Создаваемые правила поведения (нормативные формы) отличаются по общему правилу императивным характером.

Возникающие в ходе конфликтного взаимодействия императивы имеют социально-интерактивную природу, поскольку за каждым (или почти за каждым) из них мы можем найти взаимные акции и реакции участников, имевшие место по тому или иному поводу прежде, в настоящем, а также подразумеваемые в будущем. Главный смысл императивных норм, негативных (ограничивающих) правовых средств — зафиксировать статус конфликтующих субъектов, определить четкую дистанцию между ними и тем самым обеспечить должную упорядоченность в данной системе взаимодействия и в то же время ее внутреннюю эффективность (полностью устранить конкуренцию невозможно, как невозможно уничтожить свободу воли отдельных субъектов). Такими конфликтными или потенциально конфликтными отраслями и институтами права, регулируемыми конфликтные взаимоотношения, можно считать уголовное право, нормы об административных правонарушениях, некоторые институты экологического, трудового, семейного, отдельные субинституты гражданского права, институты процессуального права и т. д.

В совокупности на этой социально-интерактивной основе рождаются соответствующие данным социальным предпосылкам правовые формы, производится отбор необходимых правовых норм. Биполярность (двойственность) социальной детерминанты правового развития (воспроизводства права) непосредственно отражается на двойственности (биполярности) системы правового регулирования, на системе методов правового регулирования, на системе выражающих их правовых средств. Амбивалентность социально-правовой жизни находит закономерное отражение в сущностных свойствах (природе) всего права, а также способна определять его внутреннее строение.⁵²

Право живет не в вакууме, не в безжизненном пространстве, а имеет дело со всем многообразием человеческих отношений, природа которых отличается сложными многоступенчатыми формами коммуникативного

⁵² См. подробнее: Трофимов В. В. Конфликтное право и право сотрудничества. С. 40–48.

процесса. Посредством этого процесса осуществляются взаимовлияние и взаимодействие активных микроструктур (личности и группы, ими составляемые), каждая из которых по-своему стремится достичь общезначимых целей, в то же время являющихся и целями всей системы. «Право неразрывно связано с существованием человеческого сообщества, и, таким образом, условия возникновения права являются условиями социальными», «право изначально коммуникативно»,⁵³ т. е. основано на социальном взаимодействии. Согласно А. Подгурецкому, «право — это формализация взаимных обязанностей и правомочий, которые применительно к существующему, накопленному общественному опыту поддерживают данную систему. Или еще проще: право — это формализация взаимных правомочий и обязанностей, поддерживающих данную систему».⁵⁴ Соответственно, содержание объективного права можно охарактеризовать как закрепление тех прав и обязанностей участников взаимодействия в рамках определенной социальной системы, которые признаются государством.

Объективные протоправовые нормы (правовые очертания, прообразы), созданные в процессе взаимодействия людей, раз возникнув, начинают жить самостоятельной жизнью, приобретают свой темп и ритм и оказывают на нас влияние. Их совокупность обуславливает наше поведение: мы вынуждены двигаться по этим «путям сообщения». И, скорее, не санкции являются условием существования системы, а та потенциальная возможность выражать данные нормативы, которая содержится в явлении социального взаимодействия.⁵⁵ Источником права, таким образом, является интеракция (взаимодействие) индивидов, одна из важнейших функций которой — интегративная. Ее основной смысл сводится к устранению и предупреждению потенциальных источников социального напряжения и конфликтов. Право представляет собой наиболее конкретный формализованный аспект нормативного компонента, являющегося решающим в социетальной интеграции. Право находится в основании социального «порядка» главным образом не в смысле подавления «беспорядка», а в смысле регулирования и регламентирования «экспектаций» (взаимных «ожиданий») и «социальных притязаний»⁵⁶ в социальном взаимодействии. Объективно складывающийся баланс интересов и действий взаимодействующих индивидов не позволит сформироваться вредному, разрушительному началу в социальной системе. Такова правовая природа человеческих отношений, природа социального взаимодействия, законы которого детерминируются социальными и правовыми институтами.

В шаблонах, формах, нормах, принципах социального правового взаимодействия проявляются общезначимые элементы свободы и равенства, что с точки зрения понимания права как формы и меры свободы является признанием правовой природы такого рода норм. Именно их правовая природа и служит объективным основанием для официальной легитимации этих норм. «Именно жизненные обстоятельства, которые могут быть названы “правовыми ситуациями”, это и есть исходный пункт

⁵³ Поляков А. В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход. С. 189, 204.

⁵⁴ Подгурецкий А. Очерки социологии права. М., 1974. С. 260.

⁵⁵ «Первичный социальный контроль задан существованием института, а дополнительные механизмы контроля требуются лишь в том случае, если процессы институционализации не вполне успешны» (Поляков А. В. Правогенез // Правоведение. 2001. № 5. С. 218).

⁵⁶ Смирнова М. Г. Социальные притязания и субъективное право. СПб., 2008. С. 98.

права в реальной жизни общества. Именно с них, с этого “начала начал”, в мире права все начинается; и именно отсюда разворачивается вся сложная, многоуровневая и многослойная цепь правовых средств, механизмов и процедур». ⁵⁷ Поэтому главное назначение позитивного права, декларирует Л. Дюги, — обеспечить уважение к нормам объективного права и их реализацию. С этой точки зрения нормы объективного права соотносятся с нормами позитивного права как «нормативные нормы права, или юридические нормы в собственном смысле» и «конструктивные, или технические нормы права». ⁵⁸

Подводя некоторый итог представленным рассуждениям, отметим, пожалуй, то, что приблизиться к пониманию искомых закономерностей социального бытия права, открыть его свойства и пр. помогает правильно избранный метод, в качестве которого можно с полным основанием рассматривать *коммуникативную (социально-интерактивную) концепцию права*. Эта концепция позволяет обратить внимание на те аспекты жизни права, на которые в плоскости иных концептуальных подходов обратить внимание просто не придется (по причине недостаточности познавательных ресурсов, понятийного аппарата). Полагаем, что юридической наукой (общей теорией права) в свое время был выбран верный вектор научного поиска, и его горизонт скрывает новые перспективы.

---

⁵⁷ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 260.

⁵⁸ Цит. по: Луковская Д. И. Социологическое направление во французской теории права. Л., 1972. С. 113–114.